

Память

Когда мне было лет шесть-семь, на этот мирок моего детства обрушилась война. Знаю возраст только потому, что старшая сестра запомнила, как дома говорили, что скоро буду школьницей.

Отец

Мужчин призвали на фронт. Из трактористов в селе остался только отец: он бригадир, участвовал в снабжении Красной Армии хлебом. Потом ему приказали доставить в центральную усадьбу трактора, приписанные к нашей МТС, для затопления в реке. Каково было ему, крестьянину, в самую страду уничтожать сельскохозяйственную технику? Он – во главе колонны, остальные машины вели подростки, кто имели навыки. Мама и отец понимали, что это их последние минуты вместе, она доехала с ним до центра, оттуда вернулась пешком. Подростки тоже вернулись, а отец догнал действующую армию. Погиб он в мае 1942-го в боях за Украину.

Партизаны

Советская власть уже не действовала. Фронт ушёл далеко, только немцев в селе ещё не было. Все молодые мужчины ушли в партизанский отряд, его штаб поначалу даже располагался прямо в селе. Комбригом был мой дядька. В первые же дни войны почему-то вернулся из Москвы мамин младший брат с женой, оба вступили в партизанский отряд. Может, их специально прислали для подпольной работы? Он был подрывником, пускал под откос немецкие эшелоны. Погиб осенью 1941-го во время диверсионной операции. Партизаны привезли его обезображенное тело попрощаться. Помню, как мама над ним рыдала. Больно от мысли о том, сколько людей погибли за Родину безвестными, неоплаканными. Была, например, в селе семья Макановских – крепкая, работающая. Мать умерла перед войной, отца фашисты расстреляли. Трех сыновей призвали на фронт. Одна за другой пришли на них похоронки, а вручать некому – исчезла целая фамилия. Хочется, чтобы хотя бы в родном селе их помнили.

Каратели

Взрослые шёпотом говорили о нападениях партизан. В одну из таких вылазок здорово потрепали фрицев. В нашем селе был гарнизон, здесь и похоронили убитых в той операции немецких солдат – не меньше сотни. После войны их позволили перезахоронить на родине, а на место могил вернули картофельное поле. Получив вместо очередного «блицкрига» кладбище, фашисты стали свирепствовать. В село ворвались на мотоциклах каратели – не немцы, я впервые услышала: «мадьяры». Приехали к нам по ошибке: спутали схожие названия сёл. Согнали всех, от младенцев до стариков, в большую пятистенку – жечь. Много позже моя ровесница и односельчанка Мария Жукова, тоже переехавшая в Магнитку, вспоминала, что в тот день с малышней без страха неслась впереди взрослых: думали, на танцы. Дверь закрыли, дом обложили соломой, облили

Мой дом, моя крепость

Знаю, в детстве все деревья большие.

Моё село Новые Головчицы в белорусском Полесье и вправду сказочно красивое: среди лугов и полей, в окружении густых лесов, со светлым ручьём за огородами без межи

бензином. Я слышала, как снаружи повторяли название села, а староста всё доказывал: это ошибка. Он нас спас – каратели уехали. Была ли расправа в селе, которое называли, не знаю. А соседнее село сожгли с людьми. У нас в детдоме была выжившая девочка оттуда, одна нога у неё не разгибалась из-за сгоревшего сухожилия.

И ещё воспоминание того дня. Когда стали сгонять жителей, мы успели спрятать кабанчика в хату. Жили натуральным хозяйством, оттого берегли его. Вернулись – хата распахнута, кабачник во дворе. Значит, готовясь убить жителей, каратели искали в их домах, чем поживиться. В этом сущность войны: о каких бы великих целях ни говорили захватчики – они убивают, чтобы безнаказанно грабить.

Предатели и герои

Староста, который нас спас, держал связь с партизанами, по их решению попросился у немцев на должность. Когда собирали для фашистов скот, отнятый у крестьян, сумел отогнать часть животных. После войны его не считали преступником. А до него был другой староста – выдавал семьи партизан. После войны его арестовали вместе с молодой односельчанкой, которая с фашистами погуливала. Его расстреляли, а она, отсидев срок, вернулась, уже немолдой вышла за односельчанина. Детей у них не было. Всей оставшейся жизнью ответила за молодую глупость. Помню, ещё одна молодая соседка крутила с немцами, гуляла по селу в красивом белом платье с плиссировкой – где взяла только? А когда наши стали наступать, пристроилась к ним в часть, пока советская власть за неё не взялась. Дошла с войсками до Берлина, после войны благополучно устроилась в большом городе – работа, семья, дети, уважение. Бог ей судья.

Тревога

Как многие односельчанки, мама пекла для партизан хлеб и ещё по полбуханки клала нам, дочерям, в сумки – ими служили клетчатые платки с узлом через плечо. С приходом фашистов во всех семьях они были при себе: приходилось всегда быть наготове. Одежду перед сном складывали так, чтобы быстро одеться.

Помню: суббота, день уборки, выхожу из дома – немцы въезжают в село на мотоциклах. Такой ужас, что сердце сжимается. Убегать поздно. Занавески задёрнули, сидим, сжавшись, – сейчас ворвутся. В тот раз они проехали мимо. Но в таком невыносимо страшном ожидании проходил каждый час оккупации.

По вечерам были так называемые танцы. Эти вечера с немцами и полициями всегда заканчивались принуждением к сексу. Были, конечно, девушки, которые добровольно на них ходили. Но большинство сгоняли принудительно, староста сам обходил хаты, заставлял девчонок выходить.

А ведь были в селе и такие, как наши соседи – семья дезертира, радовались: «Теперь будет и на нашей улице праздник».

Бездомные

Немцы определили наше село под гарнизон. Жителей заставили вырубить сады, чтобы пространство просматривалось, – боялись партизан. У нас был роскошный сад, особенно жалко яблоню с крупными красными плодами, таких ни у кого не было. Мама с моей старшей сестрой, плача, пилили её под дулом автомата. Расправившись с садами, немцы выгнали жителей в соседнее село. Все рассыпались по домам знакомых или родных. Но в ту же ночь, пережидая взлетающие ракеты, – немцы запускали их, боясь партизан, и стреляли во всё, что двигалось, – перебежали в свои курени на болоте, которые построили до прихода оккупантов на случай опасности. Главная «мебель» землянок – куреней без окон – полок от маленькой кирпичной печки до стенки. В курене мама затопила печку, мы обсушились, легли спать.

На островок с куренями так просто не попадёшь. Только свои знали, где кладка-мосток, где кочка.

Но уже утром подро-

сток из семьи односельчан привёл немцев с полициями. Выскакиваем: весь остров в дыму, горят курени. Всех сгоняли прикладами, только одна из старших сестёр успела отбежать, босая. Стояла за деревьями то на одной, то на другой ноге, вторую грела руками, пока болото не опустело.

Нас снова погнали мимо собственных домов. Во дворах уже хозяйничали немцы.

Мама, сёстры

Пригнали в чужое село. Снова мы с несколькими семьями в незнакомом доме. Людей много, сидели даже на полу – неприютные. Маму увели на допрос как родственницу партизана, избили: вернувшись, она не могла стоять, лежала навзничь на полу. Именно тогда она заболела тифом, а от неё заразились я и моя младшая сестрёнка. Я была в беспомощности, едва выжила, потом заново училась ходить – ноги отнялись. Мама и сестрёнка умерли в одну ночь. После войны сколько ни искали место их захоронения – не нашли: немецкие танки при отступлении смяли, изменили ландшафт.

Однажды на рассвете немцы прикладами выгнали всех на перекрёсток, растолкали на одну сторону детей и стариков, на другую – молодых, куда попали все три мои старшие сестры. Молодёжь погнали в Германию. С той поры до самого освобождения села я уже не видела родного дома. Переночевала у соседки, потом родственники переправили в партизанский отряд – там жила всю зиму. Потом в отряд добрались две сестры – сумели сбежать поврозь и несколько месяцев, таясь, возвращались домой. Самая старшая сбежать не смогла, так как её угоняли больную, с температурой, и по дороге отделили от остальных пленников. Выжила, потому что в Германии её отдали «добрым хозяевам», на которых она батрачила за еду. Свиделись только через два года после войны: вместе с другими вчерашними заключёнными она всё это время пешком через всю Европу добиралась в родные места. Лагерный номер на руке выжгла кислотой уже через годы.

Дом

После отступления немцев мы возвращались из партизанского отряда гуськом: ни шагу в сторону – кругом мины. На дороге был настоящий поток людей – из лесов, с болот, из куреней, соседних сёл

возвращались по домам. Наконец я увидела нашу хату после долгой разлуки. От одной из наружных стен остались лишь разбросанные брёвна – похоже, внутрь бросили гранату. Стёкол не было. Во дворе – кусок парашютного шелка, мешки с немецким орлом. Ни калитки, ни забора. Кто-то праздновал, а мы голосили на всё село. Подошла соседка, пожалела.

Мои детские болезни пришлось на пору, когда вокруг было куда больше серьёзных опасностей, чем «просто болезнь». Я пережила тяжелое нагноение на колене после небольшой ранки, перенесла ветрянку. Была вся в струпьях, не знаю, кто меня кормил, смазывал болячки колёсной мазью. Помню, что в этот период ночевала в летнем лесу голая, наверное, чтобы лучше заживали язвы, и в темноте наблюдала над собой бой самолётов, трассирующие пули – вероятно, наши уже наступали. Я не боялась, уже многое пережила.

Как во многих семьях, наших родственников война догоняла после Победы: гранатой или миной в огороде, язвой желудка, «заработанной» в голодном плену. Вступить за нас без взрослых было некому. Один сезон председатель заставил мою сестру – инвалида по зрению – работать на колхозном поле, когда увидел, что она трудится на своём. Побил её – «притворяешься слепой». Она и правда всю жизнь не сидела без дела, но только чтобы не быть обузой: с трудом различала силуэты и передвигалась наощупь. В то лето отработала, как могла, в колхозе, но когда кончился сезон, её не оказалось в списках на трудовни.

Ещё одну горькую обиду не могу избыть всю жизнь. Имущество, в основном мануфактуру, которое мама с моей старшей сестрой в начале войны пытались спрятать в ямах на огороде, разворовали односельчане из тех, кто своего не упустит – даже знаем, кто. Беспольным оказалось обращение к председателю, чтобы заставил вернуть хотя бы жернова, которые сделал наш отец: вор был родственником председателем.

После войны – ни еды, ни скарба, ни одежды. Мы не знали, как жить, как хозяйствовать: прежде были малы, чтобы научиться, а теперь не стало кому научить. Однажды по гуманитарной помощи получили оцинкованное ведро, засолили в нём капусту, заработанную на трудовни. Утром встали – капуста чёрная, отравлена металлом. Как мы плакали...

Другая жизнь

В 1944 году, с опозданием на три года, я пошла в школу. Училась хорошо, мне даже учительница отдала единственный букварь, чтобы остальные дети ко мне приходили заниматься. Но когда начались заморозки, я из-за отсутствия одежды и обуви перестала ходить в школу, и, как ни противилась, меня определили в детдом на казённое довольствие. Следующей по возрасту сестре тоже выделили место, но кто-то должен был присматривать за сестрой-инвалидом: она уже подросток, в детдом не положено.

Так мы расстались в слезах, и так определилась наша дальнейшая судьба. Я уехала из дома, получила образование и профессию учителя, которую не сама выбрала, но в которой, надеюсь, стала настоящим профессионалом. Сёстры больше не учились – и это тоже был не их выбор: надо было работать. Трудолюбие и память о родном доме – главное наследие, доставшееся нам от родителей, как многим моим ровесникам.

✍ Валентина Назаренко, 84 года

Валентина Назаренко на уроке в начальной школе. 1970-е

Отец (справа) с земляком-сослуживцем после финской войны